

Информация для цитирования:

Константинова Н. В. Специфика авторской стратегии в женских тревелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Свербеевой) / Н. В. Константинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 293—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-293-310.

Konstantinova, N. V. (2023). Specificity of Authorial Strategy in 19th Century Women's Travelogues: A Study of E. A. Sverbeeva's Travel Diary. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 293-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-293-310. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-293-310

Специфика авторской стратегии в женских тревелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Свербеевой)

**Константинова
Наталья Владимировна**
orcid.org/0000-0002-7329-9977
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русской
и зарубежной литературы, теории
литературы и методики обучения
литературе
scribe2@yandex.ru

Новосибирский государственный
педагогический университет
(Новосибирск, Россия)

Specificity of Authorial Strategy in 19th Century Women's Travelogues: A Study of E. A. Sverbeeva's Travel Diary

Natalia V. Konstantinova
orcid.org/0000-0002-7329-9977
PhD in Philology,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
Literary Theory, and Literature
Teaching Methodology
scribe2@yandex.ru

Novosibirsk State
Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению феномена женского письма и специфики его репрезентации в жанре травелога. Впервые изучается «Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год» в контексте эволюции женского документального травелога XIX века в аспекте проблемы автора. Установлено, что путевой дневник Е. А. Свербеевой выражает основные тенденции эволюции «женского письма» в 30-е годы XIX века. Выявлено, что дневник Екатерины Александровны демонстрирует сосредоточенность на Я, на способах самовыражения, самоанализа и самопознания. При этом Я — это четко выраженное женское Я, что проявляется и в отборе объектов реальной действительности для описания путешествия, и в способах их характеристики. В качестве индивидуальной авторской стратегии можно выделить и сочетание элементов личного дневника и путевого, в то время как чаще всего путешественницы дифференцировали эти варианты записей, даже обозначая в тексте путевого дневника его принципиальное отличие от личного. Анализ биографической основы дневника и способов выражения Я в структуре повествования позволяет выявить сочетание разных точек зрения — светской дамы, «чувствительной героини», матери, замужней женщины, что отражает основные тенденции развития «женского письма» в историко-литературном процессе XIX века.

Ключевые слова:

авторская стратегия; травелог; женское письмо; путевой дневник; субъект повествования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the interpretation of the phenomenon of women's writing and its representation in the genre of travelogue. For the first time, the 'Diary of E. A. Sverbeeva for 1833' is studied in the context of the evolution of women's documentary travelogue in the 19th century, focusing on the issue of authorship. It is established that E. A. Sverbeeva's travel diary expresses the main tendencies of the evolution of 'women's writing' in the 1830s. It is revealed that Ekaterina Alexandrovna's diary demonstrates a focus on the self, on modes of self-expression, self-analysis, and self-discovery. At the same time, the self is clearly expressed as a feminine self, which is manifested in the selection of objects from real life for describing the journey and in the ways they are characterized. As an individual authorial strategy, a combination of elements of a personal diary and a travelogue can be identified, while more often female travelers differentiated these types of entries, even designating the fundamental difference between them in the text of the travel diary. The analysis of the biographical basis of the diary and the ways in which the self is expressed in the narrative structure allows for the identification of a combination of different perspectives — that of a society lady, a 'sensitive heroine,' a mother, a married woman — reflecting the main tendencies in the development of 'women's writing' in the historical-literary process of the 19th century.

Key words:

Authorial strategy; travelogue; women's writing; travel diary; narrative subject.

Специфика авторской стратегии в женских травелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Свербеевой)

© Константинова Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Феномену женского письма в современном литературоведении все чаще уделяется внимание. В связи с этим активно разрабатываются гендерные исследования, в которых наблюдается интерес к интерпретации «женской литературы» в целом, специфики творчества отдельных, наиболее популярных писательниц XIX века, выявляются отличительные характеристики дискурса и поэтики произведений, особенности и приметы женского творчества.

В качестве объектов изучения учеными выбираются не только художественные произведения (романы, повести), но и автобиографическая проза (письма, дневники, мемуары). Именно в таких текстах обнаруживаются важные особенности женского письма и способы выражения женского сознания. Так, в одной из своих работ, посвященных женскому письму, И. Л. Савкина отмечает: «Автодокументальные жанры — письма, дневники, воспоминания и т. п. — это своего рода разговоры с зеркалом, со своим другим Я, отчужденным и возвращенным себе. Женщины пишут, осуществляясь в акте письма; увидев себя в зеркале и Зазеркалье автотекста, они воссоздают себя, утверждая: “я есть, я пишу, значит — существую”» [Савкина, 2007, с. 2].

На наш взгляд, обращение к анализу дневника является продуктивным и актуальным способом изучения феномена женского письма, так как позволяет акцентировать внимание на выявлении специфики авторской стратегии, способов моделирования Я в процессе самоописания. Вопрос о том, как выражается Я в женском дневнике, является дискуссионным в современных научных исследованиях. Во-первых, в целом в процессе анализа любых документальных (автодокументальных) текстов обсуждается, как соотносится субъект повествования с автором, насколько идентичны автор, чье имя обозначает реальную личность, и повествователь / рассказчик. Во-вторых, речь идет о способах создания идентичности, самоконцепции личности, версии своей жизни, своего Я в текстах такого рода. В-третьих,

выявляются причины, факторы, которые влияют на формирование модели субъекта повествования в дневнике. Как показывают результаты некоторых исследований, именно анализ способов выражения Я в женском дневнике позволяет ответить на эти вопросы. Так, И. Л. Савкина полемизирует с М. Ю. Михеевым, фиксируя расхождения, связанные с интерпретацией субъекта дневникового письма. По мнению Михеева, этот субъект является готовым, фиксированным; его идентичность существует до начала акта письма. Автор дневника лишь «документирует свою идентичность, непрерывность своего Я» [Михеев, 2007, с. 16]. Позиция исследовательницы женских дневников заключается в том, что в процессе письма происходит постоянное, непрерывное моделирование Я, субъект повествования представлен в процессе, в связи с чем дневник воспринимается не как способ самоописания, а как «средство самописания» [Савкина, 2007, с. 16].

Принципиально поддерживая точку зрения И. Л. Савкиной, обратим внимание на специфику женского путевого дневника, который крайне редко становится объектом исследования в аспекте проблемы автора, в то время как именно травелог в большей степени сосредоточен на личности путешественника, способах выражения Я в процессе восприятия нового пространства. Соответственно, *актуальность* осмысления феномена женского письма и специфики его репрезентации в жанре травелога очевидна и обусловлена необходимостью его целостного изучения в историко-литературном контексте.

Объект нашего исследования — женские травелоги XIX века (на примере путевых дневников); *предмет* — специфика авторской стратегии, способы выражения Я в структуре повествования женского путевого дневника. В связи с актуализацией интереса отечественной гуманитаристики к феномену женского письма [Белова, 2016; Вьолле, Гречаная, 2006; Куприянов, 2002; Лежен, 2006; Михайлова, 2011; Михеев, 2007; Пензина, 2009; Попова, 2020; Савкина, 2007, 2008; Стефко, 2010; Строганова, 2002, 2019; Шатохина, 2019; Шоре, 1999, 2000] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается не только обширный пласт женской художественной литературы, но требуют детального изучения способы репрезентации женского Я в автодокументальной прозе. *Научная новизна* настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые целостный анализ женского путевого дневника в аспекте проблемы автора позволит, во-первых, расширить научное представление о своеобразии женского письма в целом; во-вторых, выявить индивидуальные и общие способы моделирования субъекта повествования в документальном травелоге; в-третьих, охарактеризовать приметы женского Я в путевом дневнике.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Материал исследования составил путевой дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год, описывающий ее путешествие с мужем Д. Н. Свербеевым и старшим сыном Николаем в Германию и Швейцарию. Текст этого дневника долгое время хранился в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) среди бумаг, принадлежащих родовому архиву Тургеневых, а затем был переведен с французского языка на русский и опубликован С. Р. Долговой. Отмечается, что он был скопирован для А. И. Тургенева и хранился до официальной публикации в его личном архиве. В связи с этими обстоятельствами текст путевого дневника Е. А. Свербеевой впервые становится материалом литературоведческого исследования.

В статье автор использовал следующие *методы исследования*: структурно-семиотический и герменевтико-интерпретационный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание авторских стратегий в документальном травелоге Е. А. Свербеевой.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения феномена «женского письма» в лингвистике, истории, культурологии [Баженова, 2001; Белова, 2016; Куприянов, 2002; Лежен, 2006; Михайлова, 2011; Михеев, 2007; Стефко, 2010], а также литературоведческие работы, в которых рассматриваются не только особенности художественной женской прозы, но и специфика женского Я в автодокументальных жанрах [Гречаная, 2001, 2005; Вьолле, Гречаная, 2006; Пензина, 2009; Попова, 2020; Савкина, 2007, 2008; Строганова, 2002, 2019; Шатохина, 2019, Шоре, 1999, 2000].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы XIX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных женской прозе, феномену женского письма, документальному травелогу. В частности, этот материал может быть использован при изучении эволюции путевой прозы XIX века в контексте историко-литературного процесса.

3. Результаты и обсуждение = **Results and Discussion**

3.1. Специфика изображения женского Я в путевых дневниках XIX века. История вопроса

Изучению специфики женского авторского начала в жанре травелога не уделяется особого внимания, так как в большей степени привлекает исследователей романное повествование и поэтические жанры. Однако именно в путевой прозе, на наш взгляд, в большей степени проявляется специфика индивидуально-авторской стратегии, так как личность автора

определяет и выбор объектов реальности, и способы их описания, логику построения маршрута и принципы изображения субъекта повествования.

На этом фоне в аспекте анализа проблемы автора выделяются автодокументальные жанры (дневник, записки, мемуары, письма, семейная хроника и др.), которые демонстрируют различные способы моделирования авторского Я в структуре повествования. При этом исследователи женского творчества придерживаются разных мнений о том, насколько выбор жанра определяется спецификой авторской стратегии. М. Ю. Попова отмечает, что использование автодокументальных жанров «говорит, скорее, не об отличиях жанровых предпочтений писателей-женщин от писателей-мужчин, но, наоборот, о включенности их творчества в общелитературный (в том числе жанровый и стилевой) контекст» [Попова, 2020, с. 26]. По мнению О. В. Пензиной, именно «сопротивление мужскому наставничеству подтверждает факт становления женского письма» [Пензина, 2009, с. 65]. В отдельных случаях указывается, что тенденция активно выражать свое Я становится характерной чертой женской литературы только в конце XIX века, что «проявлялось в отказе женщин авторов от мужских псевдонимов, в пристрастии к жанру повести-дневника, повести, состоящей из писем, к повествованию от первого лица с концентрацией внимания на внутреннем мире героини» [Михайлова, 2011, с. 126]. Однако популярность путевого дневника как способа самовыражения для женщин уже с середины XIX века фиксируется в рассуждениях о том, как отражение и осмысление европейской жизни российскими путешественниками нашло свое воплощение в источниках личного происхождения [Шатохина, 2019, с. 116]. Несмотря на следование определенному чувствительному «коду» эпохи, «карамзинскому канону», «самовыражение» происходило в путевых дневниках зачастую в процессе восприятия «чужого».

Примером исследования, в котором в качестве материала используются тексты одной жанровой формы, является работа А. П. Гречаной, посвященная анализу путевого дневника (в большей степени женского) как формы самосознания. По мнению исследовательницы, «личность автора зачастую скрыта за безличной регистрацией увиденного и то же время намечается как бы пунктиром благодаря отбору того, что представляется достойным внимания, ритму записей, их особой логике, наконец, общей интонации» [Гречаная, 2005, с. 311]. Интересным результатом такого способа исследования является обнаружение конкретных вариантов форм авторского присутствия. В качестве способов авторского самовыражения Е. П. Гречаная выделяет следующие варианты: соотношение форм Я и МЫ, представление своей жизненной позиции, ситуации через описание чужой истории; выражение индивидуально-личного отношения к «чужо-

му» миру через социально ориентированную точку зрения, при этом выбор объектов чужого пространства для описания обусловлен личными политическими, идеологическими убеждениями.

Кроме того, исследователь выделяет факт сохранения в путевых дневниках XIX века тенденции — нежелания говорить «все», характерной для дневников XVIII века. Примечательно, что эта установка проявляется в размышлениях авторов при сопоставлении «обычных» дневников и путевых. В рассуждениях Н. В. Шаховской отмечены различия этих форм: «... путевой дневник не столь интимен, как тот, который ведется при оседлом образе жизни, на родине, когда имеешь дело с личными чувствами и мыслями, источник коих — ваша внутренняя жизнь. Путевой дневник — полностью внешний, в нем описываются только впечатления от внешних объектов» [Гречаная, 2005, с. 319]. Таким образом, анализ динамики форм авторского самовыражения в путевых дневниках XVIII века и первой трети XIX века позволяет сделать вывод о существовании к середине XIX века двух противоположных тенденций — авторского самоограничения и самовыражения. Также отмечается, что акцент на собственной индивидуальности в большей степени усиливается в дневниках молодых девушек, более склонных к самоутверждению в силу предписанных им регламентированных правил поведения.

Безусловно, чаще объектом исследования становится женский дневник личный, в котором отражаются разные способы самопрезентации в зависимости от целей его создания. В качестве предметов изучения — как в русской научной традиции, так и в зарубежной — выступают способы коммуникации, соотношение Я и МЫ, Я и ТЫ в структуре повествования. На этом фоне и выделяются особенности именно женского дневника, на которые важно ориентироваться и в процессе анализа женского путевого дневника. Однако в монографическом исследовании И. Л. Савкиной, посвященном не только дневникам, но и другим автобиографическим жанрам, актуализируются вопросы, позволяющие более подробно изучить процесс авторского моделирования структуры повествования в женском тексте. Там, в частности, выявляется значимость соотношения в женском дневнике не только форм Я и МЫ, но и Я и ТЫ, устанавливается, как моделируется женское Я, какую роль / роли женщина выбирает для себя (определенный социальный тип, культурный феномен, писательский шаблон), как эта роль влияет на построение коммуникации с воображаемым другим, ТЫ, с собой, как тогда строится автокоммуникация. Обнаружение сосредоточенности на процессе создания / анализа / презентации Я в женском дневнике позволяет определить в качестве ключевой цели создания текста самописание, а не самоописание, сосредоточенность на самой деятельности, а не на результате.

3.2. «Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год» как путевой дневник. Биографическая основа

Автором представленного для анализа дневника является Екатерина Александровна Свербеева, рожденная княжна Щербатова (1808—1892). В 1827 году в Москве она выходит замуж за Дмитрия Николаевича Свербеева. Путевой дневник Свербеевой посвящен путешествию в Германию и в Швейцарию в 1833 году с мужем и сыном Николаем, первым ребенком, которому на тот момент было 3 года. Как отмечается С. Р. Долговой, опубликовавшей текст травелога, дневник Свербеева начала вести специально в связи с предстоящим путешествием. Это важное семейное событие отражается и в записках мужа, Д. Н. Свербеева, о чем упоминает Т. В. Медведева в своем научном исследовании о нем [Медведева, 2015]. Указанный факт свидетельствует и о значимости поездки для обоих супругов, и о близости их интересов. Много биографических свидетельств сохранилось о литературном салоне Свербеевых, так называемых «свербеевских пятницах» в доме на Тверском бульваре в Москве, которые стали частью истории русской культуры 40-х годов XIX века. При этом, безусловно, ключевой фигурой в различных изданиях является Дмитрий Николаевич Свербеев, в то время как его жена, Екатерина Александровна, активно общалась, переписывалась с известными писателями того времени: А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским. В дневнике Елизаветы Ивановны Поповой отмечается, что современников в Екатерине Александровне привлекала «прекрасная наружность, вдохновившая восторженные строфы Баратынского и Языкова, ум и образованность, собиравшие вокруг нее лучших представителей современной литературы и науки, приветливый нрав, располагавший к ней всякого» [Попова, 1911, с. 13].

Дневниковые записки Е. А. Свербеевой были написаны по-французски (как и большинство дневников дворянок этого периода), а затем скопированы. Благодаря деятельности Н. Б. Востоковой и С. Р. Долговой, они были найдены в архиве, описаны и впоследствии опубликованы. Кроме того, С. Р. Долгова в комментарии к публикации дневника отмечает, что «публикуемый ниже дневник Е. А. Свербеевой был скопирован для А. И. Тургенева и хранился до настоящего времени непочитанным в его личном архиве. Назовем его “Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год”» [Долгова, 1999, с. 11].

Таким образом, опираясь на имеющиеся биографические данные, можно сделать вывод о том, что путевой дневник Е. А. Свербеевой имеет в своей основе реальное событие путешествия — поездку из Москвы в Санкт-Петербург, затем в Германию и Швейцарию в 1833 году. Кроме того, имеется и условный адресат путевых записок — А. И. Тургенев, для которого

была сделана копия в виде тетради — дневниковых записей, написанных по-французски. Факт существования путевого дневника Е. А. Свербеевой подтверждается косвенно и при изучении записок Д. Н. Свербеева, что свидетельствует о том, что муж был знаком с записями жены об их совместном путешествии.

3.3. Авторские стратегии в путевом дневнике Е. А. Свербеевой за 1833 год

В определенной степени в структуре повествования путевого дневника А. Е. Свербеевой встречаются особенности, указанные Т. В. Медведевой относительно записок Д. Н. Свербеева: «Встреченные в пути люди становятся для Свербеева опорными точками повествования, едва ли не самым интересным из всего, увиденного в пути. И соблюдая формально порядок повествования от “места к месту”, мемуарист создает параллельно повествование “от человека к человеку”, наполняя рассказ о путешествии живыми персонажами» [Медведева, 2015, с. 37—38]. В этом путевой дневник его жены тоже выделяется, так как она подробно описывает попугачиков, которые у нее вызывают живой интерес. Таким способом уже и проявляется женский подход к выбору объектов описания. Кроме того, что чаще в фокусе ее внимания оказываются все же женские персонажи (известные светские дамы, популярные певицы и актрисы, женщины с необычной судьбой), делается акцент на описании внешнего вида объектов и людей, категории эстетического. Объективная реальность переводится в план субъективной, чувствительной, подробно описывается, какие чувства и переживания вызывают здания, элементы ландшафта, пейзажа, внешние особенности людей. При этом чаще фиксируются контрастные характеристики, сочетание позитивного и негативного, красивого и безобразного, темного и светлого.

Наиболее показательным примером выступает фрагмент, в котором описана Петропавловская крепость: «Мы высадились у *изящного* (здесь и далее курсив наш. — Н. К.) дома Кикина, вид на Неву. Дом находится на набережной — видны Биржа, порт, корабли, из крайних правых окон — Петропавловская крепость, *как черная мысль*, она портит такой *прекрасный вид* на Неву. В течение дня Нева меняет свой облик 3 или 4 раза, *спокойная, она прекрасна*, здесь и там плывут лодки, однако, в день нашего приезда *она была черной*» [Свербеева, 1999, с. 12]. Черный как типичный элемент цветовой характеристики метафоризируется, используется как средство выражения субъективного оценочного эмоционального суждения об объекте пространства. Интересно, что Петропавловская крепость в восприятии путешественницы «портит прекрасный вид» на Неву, которая была черной в этот момент. Оппозиции прекрасное и безобразное, светлое и темное утрачивают свои прежние значения и становятся средством вы-

ражения психологического состояния субъекта повествования в путевом дневнике. Авторское Я выражает себя не только в отборе объектов пространства, но и в способе их описания.

Постоянным, даже нарочито часто повторяющимся эпитетом в характеристике объектов реальности в дневнике Е. А. Свербеевой становится вариант *красивый*. Повышенная частотность использования этого слова манифестирует концентрацию внимания женского сознания на эстетической стороне реальности: все оценивается посредством включенности в оппозицию «красивый — некрасивый». Чаще в качестве объектов такой оценки выступают люди, случайные попутчики или знакомые ранее: «Только в Твери к нам присоединился попутчик, барон Тизенгаузен, *красивый мужчина*, в остальном *личность незначительная*» [Свербеева, 1999, с. 12]; «Встретили Пушкина, пошли вместе с ним, он упрекал нас в пристрастии Москвы к Каратыгину, потом он покинул нас, чтобы искать свою жену, позднее мы встретили ее с Вяземским. *Ее красота поразила меня, никогда еще ее лицо так не поражало меня; на мгновение я остановилась в оцепенении*» [Свербеева, 1999, с. 13]. Эпитет *красивый* часто используется и в повествовании о разных объектах действительности: «В семь часов вечера были с Вяземскими на островах, у решеток Елагина острова играла музыка, много народа, *красивых женщин* <...> Любопытное место эти решетки, *острова красивы*, особенно парк Елагина острова, *дикая красота* Крестовского, дорога в лесу <...> Закончили вечер у Вяземских <...> граф Вильегорский спел несколько *красивых арий*» [Свербеева, 1999, с. 13].

Особое внимание в дневнике Свербеева уделяет описанию своего физического и психологического состояния. В этом отношении выделяются черты «карамзинского канона», которые в большей степени выражаются в стремлении субъекта повествования акцентировать свою чувствительность, повышенную эмоциональную восприимчивость к объектам и событиям реальности. В качестве постоянной «чувствительной доминанты» выявляется состояние тоски, грусти, страдания, которое даже осознается и рефлексивируется субъектом в тексте: «Оставалась дома, была больна, сильно *страдала*» [Свербеева, 1999, с. 12]; «Остаток вечера из-за этого я провела в *тихой грусти*, *мое сердце часто охвачено этим чувством* ...» [Свербеева, 1999, с. 14]; «... мы отплываем, *грустное* прощание, *трудно пережить* этот момент, когда удаляется берег и затихают вдали прощальные крики, у меня было *тяжело на сердце*» [Свербеева, 1999, с. 15]. Благодаря обнаружению (и выражению) такого эмоционального фона, в тексте путевого дневника создается узнаваемый читателем XIX века портрет «чувствительного путешественника», воспринимающего мир сквозь призму литературных шаблонов. Даже противоположное грусти чувство

радости воспринимается и оценивается (комментируется в тексте) в соотношении с ним: «...у почтальона было для меня 2 письма, оба — от маман. Я так разволновалась от радости, что не могла двинуться с места, какое это счастье — известия, это были *мгновения восторга*, весь вечер я была взволнована, *потрясена радостью, как горем*, настоящая *сюита радости*» [Свербеева, 1999, с. 27].

В некоторых случаях женское Я субъекта повествования проявляется в демонстрации чрезмерной чувствительности, экзальтированности в ситуации восприятия объектов реальной действительности. В связи с этим в тексте травелога появляются фрагменты, в которых предметом описания является саморефлексия Я по поводу своего эмоционального состояния. Приведем наиболее показательные примеры: «Я присела на скамейку, чтобы наслаждаться этим видом, таким величественным, и я обрела спокойствие, охватившее *все мое существо*, я не могла вымолвить ни слова, *это было высшее блаженство! Никаким земным языком нельзя было выразить то, что я чувствовала в этот момент*» [Свербеева, 1999, с. 42]; «Неповторимая красота! О, Швейцария! <...> Погода была божественна. Я *впала в состояние полного блаженства*» [Свербеева, 1999, с. 45]. Обращает на себя внимание и степень концентрации в тексте формы Я, что демонстрирует сосредоточенность субъекта повествования на собственной персоне, желание выразить себя, свой внутренний мир. Однако выбор стиля высказывания, лексических единиц свидетельствует о зависимости от литературных шаблонов сентиментальной / романтической традиции.

Несмотря на то, что в путевом дневнике Е. А. Свербеевой неоднократно упоминается факт путешествия ее как молодой женщины с семьей, мужем и сыном, никогда субъект повествования не позиционирует свои отношения с мужем, не подвергаются рефлексии социальная роль замужней женщины, собственные чувства и переживания любовного характера. При этом неоднократно появляются в путевом дневнике описания, репрезентирующие точку зрения матери, а именно реакции на поведение Николеньки, отношение окружающих людей с ее сыном. Ребенок, как правило, представлен со стороны, в ситуации общения с другими людьми, не с матерью. Роль матери же становится своеобразным объектом саморефлексии, способом понять свое отношение к детям в целом, к Николеньке в частности. Детское начало проявляется в женском Я субъекта повествования в том, что она постоянно упоминает о своих близких, маменьке, стремится написать им письмо, ждет с нетерпением ответа: «...у почтальона было для меня 2 письма, *оба — от маман*. Я так разволновалась от радости, что не могла двинуться с места» [Свербеева, 1999, с. 27]. А. В. Белова, исследуя специфику женской эпистолярной культуры XIX века, отмечает ее тесную связь с материнским воспи-

танием и письмом путешественника, что и определяет совмещение разных точек зрения в структуре повествования женского травелога [Белова, 2016]. Роли дочери и путешественницы, совмещаясь в одном контексте, демонстрируют соотнесенность личного и социального.

3.4. Самопрезентация женского Я через описание чужой истории в путевом дневнике Е. А. Свербеевой. Функция роли читательницы

Выявление в путевом дневнике Е. А. Свербеевой элементов «карамзинского канона» позволяет определить способы выражения женского Я через описание чужой — личной или литературной — истории. Как уже было отмечено выше, молодая замужняя женщина не описывает в дневнике свои личные любовные переживания. Отмечается, что этот дневник был создан исключительно для того, чтобы описывать заграничное путешествие в Европу, в связи с чем он строится как объективное подробное ежедневное (указаны даты, дни недели, иногда даже фиксируется точное время события) описание точек маршрута. Однако принцип повествования «от места к месту» является скорее эксплицитным, как дань традиции, а внутри, параллельно, развивается повествование о духовной жизни женского Я, личных впечатлениях, эмоциональных переживаниях, «жизни души» в духе «карамзинского канона». Таким образом, можно утверждать, что дневник Е. А. Свербеевой, претендуя на статус только путевого дневника, все же имплицитно выполняет функцию личного дневника, раскрывающего внутреннюю жизнь субъекта повествования, женского Я.

Отсутствие сведений о личной судьбе (женской истории) компенсируется в дневнике Свербеевой разнообразными описаниями чужих конкретных реальных историй, философскими размышлениями общего характера о женской судьбе в целом. Фактически эти вставные рассказы выполняют функцию зеркала для самоописания (самописания) женского Я в дневнике. Так, многочисленные упоминания о собственных страданиях, связанных со слабым здоровьем, коррелируют в тексте путешественницы с описанием состояния ее близких друзей или новых знакомых: «Я обедала у графини Полье. Мы остались *наедине. Это такая чувствительная женщина, погубленная потерей, своей бесцветной жизнью, слабым здоровьем.* Она страдает и ничего не делает для излечения. Прожить несколько дней меньше, но не думая о мелочах, это не такое уж наказание, чем мучиться, стараясь прожить на несколько мгновений больше отпущенного судьбою срока» [Свербеева, 1999, с. 29]; «Известие о смерти графини Скарятинской меня очень огорчило, его нам передал Киреевский. Она должна была жить, эта женщина, такая благородная, такая счастливая, — *нет, счастье не для этой жизни. Уверенность в этом еще более окрепла во мне*» [Свербеева, 1999, с. 30]. Указанные примеры демонстрируют варианты самопозна-

ния, саморефлексии путешественницы в процессе изучения / осмысления чужих женских историй. Ситуация «наедине» выглядит символической, так как характеризует не только способ взаимодействия Я с ТЫ, но и Я со своим Я, требующим осознания и принятия. Разговор с другим, с ТЫ, в тексте дневника выполняет функцию разговора с собой, воспринимается как зеркало, отражающее собственные интимные переживания, в которых личность убеждается («уверенность в этом еще более окрепла во мне»). Внутренние индивидуальные сомнения женского Я обнаруживаются и укрепляются в момент узнавания их в ТЫ.

Похожий эффект зеркальности выявляется и при анализе фрагментов путевого дневника, в которых путешественница описывает процесс чтения различных литературных произведений. Обращает на себя внимание, во-первых, принцип отбора материала (ЧТО комментируется из текста), во-вторых, оценочность суждений, способ выражения личного отношения к описанной в книге женской судьбе (КАК характеризуется литературный материал). Все литературные сюжеты, которые указаны в тексте дневника, так же, как и реальные, соответствуют сентиментальной традиции, описывают несчастную женскую судьбу, влияние злого рока на жизнь героини. При этом путешественница демонстрирует явную осведомленность о литературном каноне, выступает в роли критика и знатока писательского ремесла: «После прогулки я читала “Инес”, роман подружки госпожи Ермоловой, о прекрасных чувствах. Любовь Инес развивается в борьбе <...> она теряет того, с кем думала соединиться. Эпизод этот дан удачно» [Свербева, 1999, с. 30]. В романе «о прекрасных чувствах» выделяется тип «чувствительной героини» с несчастной женской судьбой. Подобный тип везде фиксируется путешественницей, оценивается то, как автор изображает ее судьбу, душевные страдания. Чаще всего выбираются следующие варианты оценочных суждений: *удачно*, *точно*, *ярко* и т. д. Подобные оценки не раскрывают в полной мере личного отношения путешественницы к женским историям. Но в конце дневника появляется иной способ характеристики литературного сюжета о несчастной девушке и ее чувствах: «Утром мы были в Мариенвеке вместе с Марией, читали “Леди Эжени Фoa”. *Справедливые мысли, стиль беседы, начало и конец меня устраивали*. Берта, эта девушка, прекрасная своей природой, предназначенная мужчине, который должен быть ее мужем, избегает его, т. е. *чувствует*, что не будет им любима. *Равнодушие мужа ее убивает*. Она говорит, что ирония в том, что нельзя заглянуть в будущее и узнать сущность человека, не хватает взаимности, *излияний чувств*, что убивает любовь, и она страдает от сознания этого отсутствия связей между ней и тем, кто должен быть ее жизнью» [Свербева, 1999, с. 31]. В этом фрагменте путешественница демонстрирует

личную сопричастность описываемым событиям — *меня устраивали*, то есть «мне были знакомы / узнаваемы мною». Кроме того, позиция автора художественного текста, его точка зрения обозначается как *справедливые мысли*, то есть реальные, правдоподобные. Впервые в дневнике появляется история о замужней женщине с несчастной судьбой, которая страдает от равнодушия мужа. Отмеченный также *стиль беседы* воспроизводит ситуацию диалога читателя с текстом, что и порождает эффект зеркальности, узнавания адресатом собственной судьбы в сюжете о несчастной героине.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав биографическую основу путевого дневника Е. А. Свербеевой, способы выражения Я субъекта повествования, мы пришли к следующим выводам.

«Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год» представляет собой пример женского документального травелога, который выражает основные тенденции эволюции жанра в 30-е годы XIX века. Учитывая традицию дневниковых записей дворянок о путешествии в Европу, подробно проанализированную Е. П. Гречаной на материале женских путевых дневников начала XIX века, можно выделить специфику авторской стратегии в тексте Е. А. Свербеевой. Во-первых, на фоне типичного преобладания в тексте женского путевого дневника формы МЫ (как способа выражения субъекта повествования) дневник Екатерины Александровны демонстрирует сосредоточенность на Я, на способах самовыражения, самоанализа и самопознания. При этом Я — это четко выраженное женское Я, что проявляется и в отборе объектов реальной действительности (женские образы, мода, наиболее эстетические (красивые) элементы пейзажа, архитектуры, истории женской судьбы) для описания путешествия, и в способах их характеристики (преобладает оценочный компонент, выражающий специфику женского мировосприятия). Во-вторых, путевые записи Е. А. Свербеевой представляют собой сочетание элементов личного дневника и путевого, в то время как чаще всего путешественницы дифференцировали эти варианты записей, даже обозначая в тексте путевого дневника его принципиальное отличие от личного (выражая нежелание описывать все, сосредоточившись только на описании впечатлений от внешних объектов чужого пространства). В дневнике Свербеевой, созданном специально для описания путешествия 1833 года с семьей в Европу, выражаются в большей степени внутренние переживания женского Я, а описание внешних объектов выполняет функцию необходимого фона, материала для самоанализа чувств и переживаний. В связи с этим в повествовании о путешествии наблюдаются сочетания возвышенного, сентиментально-романтического

стиля и официально-делового, фактологии и субъективных лирических отступлений, исповедального начала и публичного. В-третьих, путевые записи 1833 года демонстрируют зависимость от «карамзинского канона», что выражается в ориентации субъекта повествования на сентиментальную поэтику в описании впечатлений от путешествия: сосредоточенность на описании «жизни души», повышенная эмоциональность при описании восприятия объектов реальности, наличие вставных историй о несчастной женской судьбе (на примере реальных событий), анализ сентиментальных литературных произведений о перипетиях в жизни женщин, философские размышления о женской доле в процессе самоанализа.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем осмыслении специфики авторской стратегии, эволюции «женского письма» в контексте развития документального травелога в историко-литературном процессе XIX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Свербеева Е. А.* Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год / Е. А. Свербеева // Долгова С. Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. — Москва : Мануфактура, 1999. — 46 с.
2. *Дневник* Елизаветы Ивановны Поповой. — Санкт-Петербург, 1911.

Литература

1. *Белова А. В.* Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII—XIX и XX—XXI веков / А. В. Белова // Культура и текст. — 2016. — № 2 (25). — С. 167—185.
2. *Вьолле К.* Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическая практика / К. Вьолле, Е. П. Гречаная // Автобиографическая практика в России и во Франции : сб. статей / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. — Москва : ИМЛИ РАН, 2006. — С. 57—111. — ISBN 5-9208-0262-6.
3. *Гречаная Е. П.* Путевой дневник как форма самосознания / Е. П. Гречаная // Романтизм : вечное странствие. — Москва : Наука, 2005. — С. 307—323.
4. *Гречаная Е. П.* Адресат женских дневников конца XVIII — начала XIX в. и процесс письма / Е. П. Гречаная // Вопросы филологии. — 2001. — № 3. — С. 90—93.
5. *Куприянов П. С.* Русские заграничные путешествия начала XIX в. : национальные представления и проблема национальной самобытности : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / П. С. Куприянов. — Москва, 2002. — 265 с.
6. *Лежен Ф.* «Я» молодых девушек / Ф. Лежен // Автобиографическая практика в России и во Франции : сб. статей / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. — Москва : ИМЛИ РАН, 2006. — С. 13—29. — ISBN 5-9208-0262-6.
7. *Медведева Т. В.* «Депеизация» по-русски : путешествия по Европе в мемуарном наследии Д. Н. Свербеева (1799—1874) / Т. В. Медведева // Русский травелог XVIII—XX веков : коллективная монография. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. — С. 28—48.

8. Михайлова Е. Н. Женское литературное творчество в России XIX века / Е. Н. Михайлова // Международный журнал экспериментального образования. — 2011. — № 8. — С. 126—127.

9. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX—XX) / М. Ю. Михеев. — Москва : Водолей Publishers, 2007. — 264 с.

10. Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века : гендерный аспект авторства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Пензина. — Москва, 2009. — 177 с.

11. Попова М. Ю. Феномен женской прозы в русской литературе 1840—1860-х годов : проблемы изучения / М. Ю. Попова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : сборник статей молодых ученых. — 2020. — Выпуск 3. — С. 26—30.

12. Русская литература XIX века в гендерном измерении : опыт коллективного исследования. — Тверь : Лилия Принт, 2004. — 161 с.

13. Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века) / И. Л. Савкина. — Wilhelmshorst : Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 с.

14. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Л. Савкина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 416 с. — ISBN 5-86793-505-1.

15. Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. С. Стефко. — Москва, 2010. — 245 с.

16. Строганова Е. Н. «Другая» литература : женская проза XIX века : пособие по спецкурсу / Е. Н. Строганова. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. — 18 с.

17. Строганова Е. Н. Классики и современницы : гендерные реалии в истории русской литературы XIX века / Е. Н. Строганова. — Москва : Литфакт, 2019. — 400 с. — ISBN 978-5-9500994-5-8.

18. Фрич Е. Ф. Начало пути Л. Н. Толстого и документальная автобиографическая проза конца XVIII — первой половины XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Ф. Фрич. — Москва, 1976. — 20 с.

19. Шатохина С. Б. Русские путешественницы в Европе в середине XIX — начале XX вв. / С. Б. Шатохина // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология. — 2019. — № 2. — С. 115—119. — DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-02-115-120.

20. Шоре Э. Женская литература XIX века и литературный канон : К постановке проблемы / Э. Шоре // Пером и прелестью : Женщины в пантеоне русской литературы. — Ополе : Опольский ун-т, 1999. — С. 95—104.

21. Шоре Э. Елена Ган — русская Жорж Санд? / Э. Шоре // Пол. Гендер. Культура : немецкие и русские исследования. — 2000. — Выпуск 2. — С. 171—185.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.*

Material resources

Sverbeeva, E. A. (1999). Ekaterina Sverbeeva's diary for 1833. In: *Dolgova S. R. Ekaterina Sverbeeva's diary for 1833*. Moscow: Manufaktura. 46 p. (In Russ.).
The diary of Elizaveta Ivanovna Popova. (1911). St. Petersburg. (In Russ.).

References

- Belova, A. V. (2016). Women's epistolary culture in Russia at the turn of the XVIII—XIX and XX—XXI centuries. *Culture and text*, 2 (25): 167—185. (In Russ.).
- Fritsch, E. F. (1976). *The beginning of the path of L. N. Tolstoy and documentary autobiographical prose of the end of the XVIII — first half of the XIX century*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Grechanaya, E. P. (2001). Addressee of women's diaries of the late XVIII — early XIX century and the process of writing. *Questions of philology*, 3: 90—93. (In Russ.).
- Grechanaya, E. P. (2005). Travel diary as a form of self-consciousness. In: *Romanticism: eternal journey*. Moscow: Nauka. 307—323. (In Russ.).
- Kupriyanov, P. S. (2002). *Russian foreign travels of the beginning of the XIX century: national ideas and the problem of national identity*. PhD Diss. Moscow. 265 p. (In Russ.).
- Lejeune, F. (2006). "I" of young girls. In: *Autobiographical practice in Russia and in France: collection of articles*. Moscow: IMLI RAS. 13—29. ISBN 5-9208-0262-6. (In Russ.).
- Medvedeva, T. V. (2015). "Depeization" in Russian: travels in Europe in the memoir heritage of D. N. Sverbeev (1799—1874). In: *Russian travelogue of the XVIII—XX centuries*. Novosibirsk: Publishing House of NGPU. 28—48. (In Russ.).
- Mikhailova, E. N. (2011). Women's literary creativity in Russia of the XIX century. *International Journal of Experimental Education*, 8: 126—127. (In Russ.).
- Mikheev, M. Yu. (2007). *Diary as an ego-text (Russia, XIX—XX)*. Moscow: Aquarius Publishers. 264 p. (In Russ.).
- Penzina, O. V. (2009). *Women's prose of the second half of the XIX century: the gender aspect of authorship*. PhD Diss. Moscow. 177 p. (In Russ.).
- Popova, M. Yu. (2020). The phenomenon of women's prose in Russian literature of the 1840s—1860s: problems of study. In: *INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists*, 3: 26—30. (In Russ.).
- Russian literature of the XIX century in the gender dimension: the experience of collective research. (2004). Tver: Lilia Print. 161 p. (In Russ.).
- Russian: Depeization in Russian: Travels in Europe in the memoir heritage of D. N. Sverbeev (1799—1874). In: *Russian Travelogue of the XVIII—XX centuries: collective monograph*. Moscow: IMLI RAS. 13—29. ISBN 5-9208-0262-6. 7.
- Savkina, I. L. (1998). *Provincial women of Russian literature (women's prose of the 30—40s of the XIX century)*. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert. 223 p. (In Russ.).
- Savkina, I. L. (2007). *Conversations with the mirror and through the looking glass. Autobiographical women's texts in Russian literature of the first half of the XIX century*. Moscow: New Literary Review. 416 p. ISBN 5-86793-505-1. (In Russ.).
- Shatokhina, S. B. (2019). Russian travelers in Europe in the mid—XIX — early XX centuries. *Bulletin of the Bryansk State University. Historical sciences and archeology*, 2: 115—119. DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-02-115-120. (In Russ.).
- Shore, E. (1999). Women's literature of the XIX century and the literary canon: To the formulation of the problem. In: *By pen and charm: Women in the pantheon of Russian literature*. Opole: Opolsky Univ. 95—104. (In Russ.).
- Shore, E. (2000). Elena Gan — Russian George Sand? *Sex. Gender. Culture: German and Russian studies*, 2: 171—185. (In Russ.).
- Stefko, M. S. (2010). *European journey as a phenomenon of Russian noble culture of the late XVIII — first quarter of the XIX centuries*. PhD Diss. Moscow. 245 p. (In Russ.).

- Stroganova, E. N. (2002). *“Other” literature: women’s prose of the XIX century: a manual for a special course*. Tver: Tver State University. 18 p. (In Russ.).
- Stroganova, E. N. (2019). *Classics and contemporaries: gender realities in the history of Russian literature of the XIX century*. Moscow: Litfakt. 400 p. ISBN 978-5-9500994-5-8. (In Russ.).
- Viollet, K., Grechanaya, E. P. (2006). Diary in Russia at the end of the XVIII — first half of the XIX century as an autobiographical practice. In: *Autobiographical practice in Russia and in France: collection of articles*. Moscow: IMLI RAS. 57—111. ISBN 5-9208-0262-6. (In Russ.).

*The article was submitted 07.09.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*